

Будь Август лишь самим собой, он мог бы плевать на пересуды и даже бросить вызов дворянам: «Нравится — и всё тут!» Но теперь он представлял не только себя. Август был единственным сыном Чёрного Принца, будущим главой Ордена Подвязки, лордом Глостера, Бристоля и Кембриджа. Он не мог допустить, чтобы из-за его необдуманных поступков страдали другие.

Приняв решение, Август тут же ушёл, не дав себе передумать.

Глупый олень не понял происходящего и даже побежал следом, покуда слуги не отогнали его. Тот нехотя остановился у опушки и смотрел вслед, пока процессия Августа не скрылась из виду.

Когда Август вернулся в гостиную, Рафаэль как раз ненадолго прервал общение с сановниками — до того они играли в какую-то средневековую игру «в флаги», правил которой Август не понимал. Заметив Августа, Рафаэль подождал у входа, сам снял его с коня и понёс на руках.

— Что случилось? Выглядишь немного подавленным, — наблюдательность Рафаэля порой пугала: он замечал, даже если уголок губ Августа опускался на градус.

Август молча покачал головой. Обсуждать это ему не хотелось — словно капризный ребёнок, не получивший игрушку.

— Ладно, — Рафаэль не стал настаивать. Он всегда чувствовал грань: где допытываться, а где сменить тему. Взяв Августа на руки, он так и не опустил его, пронёсся через гостиную, где отдыхали дамы, напрямик в более уединённую комнату. Помощник Рафаэля остался объяснять, что герцог слишком устал и едва держит глаза открытыми, — общество вновь оживилось, снисходительно понимая: дитя есть дитя.

Комната была обставлена в персидском стиле, с мягкими подушками и экзотическими кистями — специально для детских игр и отдыха. Помимо игрушек, здесь имелись книги с картинками, а также сочинения о Востоке, которые настоятельно требовал подготовить наследный принц.

Август на миг задержался, почудилось ли ему, или слуга, принёсший закуски, нарочно обронил нечто странное.

Однако, утонув в груди подушек, он обо всём позабыл. Растянувшись без движения, Август осознал, что действительно устал, — просто раньше не замечал из-за волнения. Рафаэль знал его лучше него самого.

— Пойдёшь ещё? — спросил Рафаэль, расстёгивая плащ Августа.

Старый управляющий и камердинер лишь беспомощно переглядывались — их работу отняли.

Август покачал головой. Гулять больше не хотелось:

— Когда будешь уходить, передай Андре и остальным: пусть развлекаются, как хотят.

— Хорошо, — Рафаэль нимало не счёл унизительным для графа передавать подобные поручения. Раздев Августа, он принялся кормить его орехами. Август обожал миндаль, хрустел им с невероятной скоростью, всё больше напоминая рыжую пушистую белку.

Кормя, Рафаэль постепенно отвлёк Августа от книги — тот лишь поворачивал голову, ловя лакомство, — и в конце концов поцеловал в лоб. Прикосновение было прохладным и сладким.

— Эй! — Поддразненный, Август не сдержал смеха. Непонятная реакция: досада смешалась с весельем, а первоначальная подавленность испарилась. Он швырнул книгу, перевернулся и уселся верхом на Рафаэля, пригрозив:

— Не дашь миндаля — съем тебя самого!

Рафаэль беззастенчиво растянулся, приняв вид «бери, не хочу».

Август рассердился ещё больше, наклонился, уже собираясь в самом деле измазать Рафаэля слюной, — но был остановлен кашлем старого управляющего.

Тот наблюдал со всё нарастающей тревогой: взаимодействие дяди с племянником принимало странный оборот.

Рафаэль, зная меру, поднялся, уложил Августа обратно в подушки и собрался уходить:

— Если устал — поспи. Я скоро вернусь.

Укрывшись пледом, Август начал просматривать книжку с картинками, но вскоре и впрямь заснул среди мягких подушек.

Выйдя, Рафаэль передал распоряжение Августа рыцарю-командору Андре и между делом ловко выведаль причину его дурного настроения.

— Не мог бы ты описать того оленя подробнее?

— М-м? — Рыцарь-командор насторожился.

— Если Олу он понравился, даже если оставить нельзя, нельзя же позволить, чтобы его убили, — сказал Рафаэль. — Я распоряжусь найти его и вывезти из Оленьего парка.

Рыцарь-командор кивнул и обстоятельно описал оленя, трижды подчеркнув его глупую привычку бежать за угощением.

Рафаэль задумчиво потер подбородок: эта глупая манера «подставляться» удивительно напоминала кое-кого.

...

Когда Август проснулся, на улице уже стемнело, а рядом с ним, свернувшись калачиком, спал принц-пирожок, щёки розовые от жара. Август удивился: когда он успел прийти? Зато стало ясно, отчего ему снился горячий радиатор — два «обогревателя», прижавшиеся друг к другу.

Камердинеры Августа и принца бдительно дежурили в комнате и, заметив пробуждение, двинулись было к нему.

Август молча покачал головой, указал на спящего принца, осторожно высвободился и в сопровождении слуги отправился в соседнюю комнату умыться. По совету старого управляющего он переоделся для вечернего пиршества.

— Ещё не вернулся?

— Должен быть уже скоро, — ответил управляющий.

Из соседней комнаты, где стены были тонки, донёлся возбуждённый возглас:

— Что?! Король и Екатерина были вместе? Ты правда видел, как они предавались утехам в лесу?!

— ... — Наступила мёртвая тишина.

Старый управляющий вспыхнул от гнева, счел, что невинность его господина осквернена, и сухо пояснил, что Августу следует забыть подобные непристойные слова.

Август же размышлял о другом: дядя его уже в годах, а зимой ещё и так усердствует... Неужели не боится холода? Или полагает, что трение порождает тепло?

Кхм. Желая избежать неловкости, после умывания Август под предлогом полюбоваться ночным видом вышел из гостиной.

— О, снег.

Рождественский снег, запоздав на несколько дней, наконец закружился в воздухе. Под топот копыт возвращались охотники. Алые камзолы, обтягивающие бриджи, сапоги до колен — всё это, в окружении своры и слуг, возникало в поле зрения Августа, приближаясь.

Впереди ехал король — самый почтенный; больше всех добычи принесла семилетняя мисс Елизавета; страннее всех выглядела мисс Мария, томно кокетничавшая с кавалером... Но Август всё равно сразу выхватил взглядом Рафаэля.

В чёрной фетровой шляпе, верхом, с развевающимся плащом, расшитым серебром, он походил на мифического бога зимы — благородного и неприступного.

Каким бы ни было мероприятие, для Августа главный смысл всегда сводился к еде. Охота на оленей не стала исключением: шашлыки на костре, ароматное, сочное мясо — вот что по-настоящему манило.

<http://bllate.org/book/15929/1423965>